

Спортсмен¹

Заниматься спортом сегодня считается престижным и является частью современного образа жизни. Тот, кто молод, здоров и работоспособен или хочет таким казаться, регулярно отправляется в фитнес-центр, бегают трусцой в модном аутфите по городскому парку, и освежается потом так называемыми энергетическими напитками. Однако «спортсменами» или «спортсменками» такие ориентированные равным образом на спорт и на потребление современники в целом все-таки не считаются. Это обозначение в словоупотреблении отводится для других групп лиц: во-первых, для представителей классических спортивных обществ; во-вторых, — и это основная группа — для тех атлетов, которые участвуют в первенствах и получают в награду лавровые венки. Ссылаясь на их дисциплинированный и «аскетический», полностью сориентированный на тренировки и соревнования образ жизни, массмедиа чувствуют их как «спортивные личности» и в воскресных обращениях рекомендуют молодежи брать с них пример.

Но действительно ли самодисциплина и «аскеза» определяют «спортивную личность»? Разумеется, нет, во всяком случае, не только они. Ведь эти определяющие признаки присутствуют также и в трудовой деятельности многих ориентированных на потребление любителей спорта, которые «живут для своей профессии» и даже решительных противников спорта. Аналогичные возражения можно привести и против таких приписываемых спортсмену качеств, как, например, «мужество идти на риск», «сила воли» и «страстность», а наивным предположением, что под титулом «спортивной личности» должен скрываться человек, живущий по законам «благородства» («Fairness»), можно пренебречь с самого начала. Даже успех, означающий способность приманивать удачу и совершать нечто необыкновенное, не является здесь определяющим признаком. Ведь далеко не всякого блестящего победителя общественность признает «личностью». А большинство участников состязаний попадает в конец, в ранг «далее шли».

Бесплодность попыток напасть на след типа спортсмена, исследуя особенности его личности, признается между тем и представителями психологии спорта — научной дисциплины, занимавшейся этим десятилетиями. Ссылаясь на «общественные обстоятельства» как оказывающие влияние факторы

¹ *Der Mensch des 20. Jahrhunderts*. Hg. von Ute Frevert u. Heinz-Gerhard Haupt. Haupt. Frankfurt/M., New York: Campus, 1999.

они передали эстафетную палочку систематическим общественным наукам. Но и для них это оказалось слишком сложной задачей. Даже располагая соответствующим инструментарием общественного анализа, они вряд ли смогли бы со своими методами подступиться к типу спортсмена. Причина в том, что спорт не является зеркальным отражением своего общественного окружения, как это любят говорить, а представляет собой организованную по собственным правилам игру, в которой это окружение если и проявляется, то в преломленном виде. Участники спортивных состязаний ориентированы поэтому не только на императивы экономики, политики, социальной структуры и системы престижа, но также и на императивы данной игры, ее внутреннюю динамику.

Эта статья является попыткой отдать должное многомерности темы, раскрывая ее в исторической перспективе. Спортсмен рассматривается здесь как подверженная влиянию переменчивых, отчасти противоречивых импульсов, и вследствие этого сама постоянно изменяющаяся социальная фигура; что позволяет предположить, что нынешний ее облик является результатом многочисленных метаморфоз. Некоторые из этих метаморфоз, такие, например, как метаморфозы образа, а также реально существующих лиц, освещаются более подробно. Это происходит в меняющихся перспективах. Изложение начинается с «рождения» спортсмена в Англии XVIII-XIX веков и переходит затем, следуя распространению спорта во всем мире, в континентальную Европу, где в конце XIX столетия сформировались некоторые отклоняющиеся от английского «прототипа» особенности. Богатая событиями история короткого XX столетия, со времен Первой мировой войны, когда спортсмен снова приобрел новые особенности и у него появилась пара женского рода — спортсменка, составляет следующий основной момент статьи. Статья заканчивается рассмотрением новых тенденций развития и попыткой заглянуть в — скептически оцениваемое — будущее спортсмена.

Англия, «родина» спорта

На исходе раннего Нового времени Англия уже представляла собой передовое общество с выраженной социальной мобильностью. В дворянских семьях титул и состояние наследовал старший сын, так что остальные сыновья были вынуждены обращаться к буржуазным занятиям. Торговые отношения с заокеанскими странами и все более распространяющееся денежное хозяйство внутри страны довершили дело разрушения унаследованных от предков сословных структур. Таким образом, социальный статус индивидуума больше не мог обеспечиваться сохранением социальной дистанции, а должен был снова и снова подтверждаться посредством «conspicuous consumption» («показное потребление» — Торстен Веблен).

На этом фоне следует рассматривать ситуацию, когда богатые джентльмены (*gentlemen*) брали на службу и посылали на состязания бегунов (*pedestrians*), боксеров (*pugilists*) и наездников (*jockeys*). Это не было способом удовлетворения потребности в сословном представительстве, как у представителей знати стран континентальной Европы, которые посылали так называемых «предшественников», чтобы занять место для своих паланкинов или карет. Приглаше-

ние атлетов для работы было в гораздо большей степени реакцией на неформальное принуждение к трате денег. Для этого такая форма роскоши подходила как нельзя лучше, так как значительно поднимала расходы по содержанию персонала также и в глазах сторонних наблюдателей. Кроме того, она давала возможность для организации соперничества, на исход которого джентльмены (*gentlemen*) могли заключать друг с другом денежные пари на значительные суммы. Даже не моргнуть глазом, если ставка проиграна, в насковозь пропитанном коммерцией английском обществе являлось признанным способом продемонстрировать себе самому и окружающему миру свою аристократическую дворянскую добродетель — *беспримесность* (*disinterestedness*) и, таким образом, принадлежность к *Обществу* (*Society*).

Отчего же блеск *Society* не изливался на атлетов? То, что они активно занимались своим спортом, разумеется, не могло быть тому причиной, так как скачки и игра в крикет принадлежали к признанным *развлечениям* (*pastimes*) аристократии, а бокс признавался как *благородный вид самозащиты* (*noble art of self-defence*) и с конца XVII столетия даже как замена дуэлям. Также и то, что атлеты в спорте зарабатывали деньги, не задевало их чести, так как о деньгах речь шла и у их признанных как *sportsmen* работодателей. Нетерпимым между тем являлось то, что жокеи, боксеры, бегуны и профессиональные игроки в крикет не разработали профессионального кодекса чести и при всяком удобном случае, пользуясь тем, что являются главными действующими лицами состязаний, старались обмануть *джентльмена*. Жокеи, например, давали беговым лошадям стрихнин как допинговое средство, договаривались с противником о результатах и позволяли себя «купить» третьим лицам.

Такая коррупционная практика вынудила джентльменов принять меры для регулирования и организации *спорта*. В боксе в 1740-е годы были приняты так называемые правила Броутона (Broughton Rules), в которых, чтобы уберечь атлетов (или вложенные в тренировки капиталы), предписывалось использовать перчатки с мягкой подкладкой и запрещались удары ниже пояса; кроме того, в них были зафиксированы общие условия состязаний и боксерам запрещалось заключать явные пари на собственные бои. Примерно в это же время, около 1750 года, возник Жокейский клуб как объединение хозяев конюшен беговых лошадей, заводчиков и других имеющих отношение к состязаниям аристократов, которые вскоре издали правила скачек (*Rules of Racing*) и разработали дифференцированную систему лицензирования для собственников ипподромов, тренеров и жокеев. А с 1787 года столь же аристократический Марилебонский крикетный клуб (Marylebone Cricket Club) потребовал широких полномочий в крикете. Под эгидой этих клубов атлеты стали контролируемые и дисциплинируемые наемными работниками у *gentlemen sportsmen*.

Викторианская эпоха

На фоне конъюнктурного застоя в первой половине XIX столетия развитие состязательного движения скорее замедлилось, пока в середине XIX века в спортивную жизнь не вступил выросший в результате индустриализации и урбанизации *средний класс* (*middle class*). То, что эти представители гражданских профессий от адвоката до учителя и от генерального директора до слу-

жащего теперь претендовали на признание себя *джентльменами спортсменами*, привело, прежде всего, к качественному росту индустрии соревнований, поскольку их было намного больше, чем *аристократов (aristocracy)* и *джентри (gentry)*. Если в 1800 году средний класс составлял приблизительно 3% от населения Англии и Уэльса, то к 1850 году это число увеличилось до 16%, а к 1900 году — до 30%. Если знатные *джентльмены XVIII* века занимались преимущественно скачками, крикетом и боксом, то новопришедшие представители третьего сословия «изобрели» большое число других видов *спорта*: греблю, плавание, легкую атлетику, гольф, лаун-теннис, борьбу, конькобежный спорт и т. д. А так как для этого, как правило, требовалось снаряжение и литература с правилами игры, руководства с упражнениями и рекомендации в отношении одежды, занятие спортом предоставляло теперь и *среднему классу* возможность показного потребления, так же как раньше знати.

Однако определяющие новшества по сравнению с XVIII веком носили качественный характер. В первую очередь *джентльмены* буржуазного происхождения рассматривали свой *спорт* не только как развлечение и возможность для заключения пари или общения, но и как повод к физическим упражнениям. Связанные с этим теории о «здоровом духе в здоровом теле», о мужественности (*manliness*) и о «мускулистом христианстве» стали ядром воспитания в называемых *Public Schools* элитных интернатах, университетах Оксфорда и Кембриджа, а также христианского воспитания молодежи. Вместо *спорта (sport)* все чаще стали говорить об *атлетизме (athleticism)*, и *спортсмен (sportsman)* превратился в *атлета (athlete)*, персонажа, которым восхищались не только из-за его пропорционального тела, но и из-за его самодисциплины и благородства (*fairness*). Старинная аристократическая добродетель *беспристрастности* также высоко ценилась *спортсменами среднего класса (middle-class sportsmen)*. Таким образом, они демонстрировали умение проигрывать и презрение к слишком явному стремлению к успеху. Но и в новых видах спорта, таких как легкая атлетика, плавание и гребля целенаправленная тренировка поначалу не была обычным делом.

Признание этих стандартов, тем не менее, не мешало атлетам из буржуазного *среднего класса* в другом отношении явно отграничиться от аристократических пионеров спорта. Принципы организации основанных ими органов надзора отличались от старых принципов Жокейского клуба или Марилебонского крикетного клуба, несмотря на то, что их достижения по рационализации полностью признавались. Причина заключалась в том, что эти более старые организации продолжали держаться обособленно и набирали своих членов почти исключительно из дворянства. Кандидаты должны были подвергнуться процессу баллотирования, причем одного голоса «против» было достаточно для отклонения кандидатуры. Этот принцип не мог стать определяющим для буржуа. Во-первых, они до сих пор являлись «жертвами» этого механизма обособления; во-вторых, в отличие от большинства аристократов, они в течение всего года жили в городах с их анонимными социальными отношениями и к тому же были слишком многочисленны, чтобы иметь возможность целесообразно применять такого рода ограниченные личным знакомством условия доступа. Поэтому органы надзора буржуазного *спорта* были социально открыты и управлялись демократично избранным комитетом. Для того чтобы дис-

танцироваться от аристократических «клубов», они называли себя «ассоциациями» или «союзами» (например, Ассоциация футбола, Союз регби).

Следующим признаком, который отличал новые органы спортивного надзора от старых, стало выдвинутое буржуазными инициаторами требование для атлетов статуса *любителей* (*amateurs*). Таким образом, было подхвачено вошедшее в употребление в 60-е годы XIX в. модное слово, обозначавшее того, кто занимается чем-либо для своего удовольствия, а не ради денег. Без сомнения, уставные параграфы любителей служили также для исключения из соревновательного движения рабочего класса, а некоторые дисциплины, например гребля, еще в 1920 году не допускали участие работников ручного труда. Однако такие предписания составляли исключение, так как большинство органов спортивного надзора уже до 1880 года заменили их классово нейтральными формулировками, запрещавшими всем атлетам зарабатывать на спорте.

В данной редакции уставные параграфы любителей были направлены в первую очередь против лиц, чей общественный статус как *джентльмена* был вне сомнения, но которые тем не менее не подчинялись «правилам игры» буржуазного спорта — дальнейшее дистанцирование от аристократических традиций. Хотя *беспристрастность* в отношении финансов, как уже говорилось, всегда была частью понимания спорта и у знатных *джентльменов*, на передний план их ориентированного на демонстративное потребление стиля жизни выдвигались при этом не доходы, а расходы. Свою *беспристрастность* (*disinterestedness*) аристократы демонстрировали нанимая бегунов и боксеров, содержа беговых лошадей и проигрывая такие большие суммы, что можно было разориться. Именно этот менталитет, находивший свое выражение в чрезмерных ставках, подвергся нападению поборников буржуазной спортивной морали. Ставки считались недопустимым для буржуа пороком.

Кроме того, идеал любителя сам должен был оказывать влияние на спортивную мораль атлетов из *среднего класса*. В данном случае функционеры органов надзора целились в мнимых любителей (*shamateurs*), которые заключали частные договоренности с организаторами соревнований, чтобы гарантировать себе завышенные накладные расходы из-за простоев и уменьшения заработка, и зачастую зарабатывали таким образом больше, чем «честные» профессионалы. В этой ситуации создание формальных классовых барьеров не могло стать надежным средством для поддержания «чистоты» любительского спорта, пустое морализаторство также мало помогало. Примерно в конце XIX века, когда к мнимым любителям присоединились еще и менеджеры индустрии спортивных товаров, все больше спортивных органов надзора решались на новый шаг. Вместо того чтобы, как раньше, проклинать профессиональный спорт, они теперь требовали его признания и институционализации — разумеется, под контролем любителей.

Исключение нежелательных членов из низших слоев впредь могло быть достигнуто лишь неформальным образом, посредством повышения членских взносов, цен на спортивные снаряды или «тонких различий» в формах обращения — что по сути не представляло собой ничего нового для разросшейся, пронизанной неформальными отношениями структуры английской спортивной жизни с ее *teams* и *societies* студентов и выпускников, сослуживцев, соседей и церковных общин. Поэтому никого не беспокоило, что рабочие практиче-

ски не участвовали в активном спорте, и, еще менее, что благородные *джентльмены* проявляли тенденцию к уклонению от любительских видов спорта, в которых доминировали буржуа, и к «изобретению» других, чрезмерно дорогих, его видов.

Изданные органами надзора буржуазного спорта уставы в целом не исключали участия в соревнованиях также и представительниц слабого пола. Препятствиями здесь служили малочисленность, в большинстве случаев ограниченные финансовые возможности и общее суждение относительно того, что «прилично» для леди. Не считая *гимнастики* (*gymnastics*) для улучшения осанки и способности к деторождению, дамы активно занимались лаун-теннисом, хоккеем на траве или крокетом, играть в которые можно было и в домашнем саду. Однако за пределами частной сферы их отношение к спортивной мании рубежа столетий было или равнодушным или отрицательным.

Спорт и спортивный дух вне Англии

Время на рубеже столетий

Традиционно скептическими были комментарии по поводу английского спорта со стороны иностранных наблюдателей, так, например, путешественники, посетившие Англию в XVIII — начале XIX вв., негодовали по поводу страсти к ставкам, «жесткого» бокса и «беспорядочного» футбола. То, что эти предубеждения к концу XIX века уступили место всеобщему любопытству и жажде знаний, по крайней мере, в «высших кругах», было обусловлено тем, что транспортная революция этих десятилетий и связанное с ней расширение коммуникаций способствовали массивному английскому содействию в деле спорта. Теперь на турнирах по лаун-теннису в Уимблдоне, на гребной регате в Хенли или других ставших уже «легендарными» мероприятиях не только присутствовало все больше иностранцев; увеличилось также и число любящих путешествия британцев, которые в Европе и трансатлантических странах выступали как распространители *спорта*. Если в тридцатые годы XIX века баржи по каналам доставляли в Остэнде, Гавр, Булонь, Кале и Дьепп около 50 000 пассажиров, то в начале 80-х годов их стало уже 250 000, а около 1900 года — полмиллиона. Немалая часть этих туристов, студентов, коммерсантов и техников везли спорт «в багаже», и во многих случаях они приглашали к участию и местных жителей.

Эти в большей или меньшей степени *ad hoc* организованные спортивные мероприятия проходили в целом точно так же, как и в самой Англии. Участники соревновались в известных дисциплинах, за основу брались правила, установленные английскими органами надзора, а спортивным языком был английский. Однако как только вовлеченные местные жители стали находить в спорте удовольствие, а через некоторое время даже проявлять честолюбие, становилось все более заметно, что «культурное значение» *спорта* и связанное с этим восприятие себя и другого у иностранных спортсменов отклоняются от английского образца.

Спортивную мораль местных жителей отличали два совершенно «неанглийских» признака: они не находили ничего оскорбительного в том, чтобы принимать в качестве спортивных наград наличные деньги, а также ценные

кубки и медали с тем, чтобы при необходимости их продать. И они дали слову *рекорд* (*record*) новое значение: если англичане понимали под этим документально подтвержденное достижение, на базе которого можно было рассчитывать шансы по ставкам, то для атлетов в странах-импортерах рекорд являлся высшим достижением, которое следовало превзойти.

Такое смещение акцентов было результатом не только незнания новичков и целенаправленной дезинформации, распространяемой британской индустрией спортивных товаров, представители которой в спорте заботились, например, о том, чтобы при переводе правил игр смягчить уставные параграфы для любителей (так как в противном случае они сами, попав в *профессионалы*, были бы отстранены от участия). Таким же незначительным было влияние на эти отклонения от английского примера и принципиально иной социальной базы спорта; которая в целом носила буржуазный, но иногда и аристократический характер; промышленные рабочие на континенте держались в стороне даже от соккера. Возникновение нового, в некотором отношении «неанглийского» спортивного духа объяснялось скорее тем, что дело, о котором шла речь, развивалось в иных специфических условиях, чем на родине.

К таким условиям в первую очередь относились определенные придворно-милитаристские традиции, не существовавшие или уже отжившие в Англии, которые в некоторых странах-импортерах, особенно в абсолютистских государствах европейского континента, все еще были весьма живы и соединялись с новой спортивной культурой: пристрастие к униформе и медалям, которые победители носили на своем платье как ордена; напоминающий дуэльный обычай «вызова» противника на *матч*; уважение к корректной (офицерской) посадке у так называемых «наездников» (*Herrenreiter*), которые в прусской Германии проводили между собой скачки; и, наконец, перевод английского понятия *fairness* как «рыцарство». Таким образом, несмотря на отмену перешедших по наследству классовых и сословных различий, *спортсмены* окружили себя аурой особого благородства.

Кроме того, *спортсмены* в странах-последователях посвящали себя своему делу с постоянным сознанием того, что речь идет об импортном товаре из Англии, потому что за границей Англия считалась не только первой спортивной нацией, но и пионером индустрии и мировой державой. Честолюбие многих молодых людей в бывших британских колониях, с одной стороны, и честолюбие, развивающихся наций континентальной Европы и Южной Америки — с другой, были нацелены поэтому не только на участие в соревнованиях и достижение установленных мэтрами критериев; они хотели превзойти Англию и выиграть у нее. Вследствие этого характер спортивного соревнования вне Англии как самодостаточного общения был выражен сравнительно не ярко; вместо этого соревнования стали восприниматься как арена для демонстрации национальной силы и трудолюбия. Такое понимание спорта стало определяющим не только для атлетов, но и для представляемых ими различных сообществ: клубов, городов, знатных кругов, придворных обществ, армий и частью свободной, частью официозной общественности.

Такое слияние спорта и национализма возникло не случайно. Так как на фоне развития индустриализации, образования монополий и формирования образа жизни больших городов, всех этих процессов модернизации, кото-

рые на рубеже XIX–XX столетий быстро шли вперед и отчасти ушли уже дальше, чем в самой Англии, в спортивной жизни стран-импортеров появились некоторые новые факторы. К таким факторам относился и чисто городской характер соревнований. В то время как в Англии особенно популярные дисциплины, например национальная игра крикет, развивались прежде всего в сельской местности, благодаря чему имели приверженцев даже среди консервативных критиков индустриального общества, спорт в странах-импортерах с самого начала стал феноменом городов, причем больших городов. Различные специфические условия оказывали влияние так же и на предпочтение определенных дисциплин. Если в системе приоритетов английских *спортсменов* современные технические дисциплины попадали в ранг «далее шли», то в странах-импортерах они, напротив, вызывали особую симпатию. У французов и итальянцев «национальным спортом» стали велогонки, а в других местах, например в Германии и некоторых южноамериканских странах, высоко ценились мотоспорт и авиаспорт. В отличие от английского образца образ *спортсмена* определялся здесь такими понятиями как прогресс, скорость и опасность для жизни.

На формирование этого образа оказывал влияние также и ярко выраженный интерес атлетов стран-импортеров к экспериментированию с человеческим телом. Эта особенность в стране зарождения современного спорта тоже не была развита. И не только потому, что, как уже говорилось, многие *джентльмены спортсмены* отвергали целенаправленную физическую тренировку, но и потому, что Англия не располагала институционально передаваемыми традициями рациональной культуры тела. Во-первых, отсутствовал институт воинской обязанности и связанная с этим привычка широких слоев населения к военной муштре. Во-вторых, гражданская физическая культура, например гимнастика и физкультура, которые с начала XIX столетия распространились на европейском, а вскоре и на североамериканском континенте, в Англии не были широко известны, так как они не популяризировались ни общественным школьным образованием, которое появилось сравнительно поздно и долгое время оставалось неразвитым, ни сочувствующими политическому движению буржуазии союзами. Однако учитывая отчасти весьма медленный темп развития спортивного движения на континенте можно допустить, что названные институты в определенном отношении оказывались одновременно и препятствующими факторами, притягивая финансовые средства и потенциалы активистов, и зачастую становясь трибуной для спортивной критики. Тем не менее они определенно подготовили почву для формирования всеобщего осознания возможности изменения и формирования человеческого тела, так что во многих странах-импортерах с понятием спорта с самого начала связывали такие ценности, как сила, успех и выдержка.

Эту особую расстановку акцентов подчеркивало и то, что современные естественные и практически ориентированные общественные науки ко времени первоначального распространения спорта на континенте были более развиты, чем на его «родине». В то время как в Англии считающиеся главными любителями соревнований студенты университетов Оксфорда и Кембриджа, посвящали себя большей частью гуманитарным исследованиям, преимущественно древних языков, в странах-импортерах очень многие университетские *спортсмены* занимались современными естественными и общественными нау-

ками. Как установил в своем новейшем исследовании Джон Хоберман, для создания образа фигуры атлета это было важно в том отношении, что некоторые из будущих медиков, химиков, клинических психологов и физиологов труда в сотрудничестве с ведущими исследователями ставили опыты над собой. Они производили антропометрические, эргографические и электрокардиографические измерения, рентгеновские исследования, химические и микроскопические анализы мочи и выдыхаемого воздуха, упражнялись с гантелями и эспандерами, пробовали сами себя гипнотизировать и экспериментировали с наркотиками, такими как бренди, кофеин, стрихнин и кокаин. Сегодня известно, что большинство из этих методов имели сомнительную ценность, и что зафиксированное в то время улучшение результатов отражало легкий выигрыш новичка у мастерства и опыта; так как большинство выдающихся атлетов из стран-импортеров посвящали регулярным тренировкам лишь несколько недель в год. Но такого опыта еще не было, и атлетам, по своему социальному положению — упитанным сыновьям аристократов и буржуа без физических дефектов — удавалось таким образом стилизовать себя под элиту на службе «человеческой расе». «Мы ничего не знаем, и это мы должны сегодня признать, — заявлял, например, легкоатлет и спортивный деятель Карл Дим в 1913 году на одном из мероприятий Немецкого союза молодежи — мы знаем только, что наше представление как жителей больших городов о границах человеческих возможностей определенно неправильно». В дополнение он процитировал врача Рене дю Буа-Раймонд (сына знаменитого отца), который отказывал своим коллегам в компетентности в области изучения влияния физических нагрузок и призывал спортсмена, слушаться «только одного голоса» — «того, который он слышит в своем теле».

Пропагандируя применение полученных таким образом знаний в системе народного образования, армии и кадровых службах частных хозяйств, некоторые из этих молодых ученых (представителей естественных и общественных наук) одновременно пытались ускорить рост своей профессиональной карьеры. Через взаимодействие «тела и духа» спортивные тренировки вносят свой вклад в формирование «характера», «воли» и «личности», и, таким образом, способствуют достижению «высоких целей позитивной народной и расовой гигиены», гласил, например, один из аргументов представленной в Галле в 1908 году диссертации по медицине легкоатлета, а позднее спортивного и военного врача Артура Мальвитца. В Германии такая стратегия профессионализации уже в 1914 году привела к образованию науки о спорте как самостоятельной научной дисциплины.

Возникший, таким образом, образ атлета или спортсмена как некоего использующего резервы собственной силы и энергии «сверхчеловека», быстро популяризировался, благодаря тому, что победное шествие спорта происходило одновременно с прорывом в развитии современных средств массовой информации. Рекламные плакаты, глянцево иллюстрированные журналы (в Германии, например, «Спорт им Бильд» («Sport im Bild») и «Спорт унд Салон» («Sport und Salon»)), а вскоре и «живые картинки» кинематографа способствовали небывалому росту авторитета атлетов, а некоторые профессиональные велогонщики, в первую очередь победители изнуряющих гонок на большие расстояния или шестидневных гонок вскоре обрели ареол кинозвезд.

Подводя промежуточный итог, можно зафиксировать следующее: спортсмен или атлет «родился» в Англии в XVIII-XIX столетиях и в ходе распространения спорта по всему миру сделался воплощением во всех отношениях современной «личности». Это преобразование, в котором атлеты целенаправленно участвовали как «создатели собственного образа» (Ален Эренберг), уже перед Первой мировой войной достигло такого прогресса, что уже можно было распознать контуры ориентированного одновременно на достижения и на потребление успешного человека нашего времени. Однако этому образу не суждено было сохраниться надолго. Первая мировая война придала фигуре спортсмена новые особенности.

Первая мировая война и ее последствия

Первая мировая война явилась рубежом в истории спорта, поскольку все участвующие в ней армии, самое позднее, с переходом к позиционной войне 1916/17 годов проводили соревнования и создали упорядоченную систему тренировок для поддержания войсковой морали. Легкая атлетика, футбол и избранный незадолго до этого гандбол стали излюбленными дисциплинами, которые, как вскоре с неодобрением отмечал один прусский генерал, «больше влияли на войсковую жизнь отдельных подразделений, чем скучная служба с оружием». Не только на поколения, рожденные в 90-е годы XVIII века, но и на более старшие, мировая война действовала, таким образом, как «рекламная акция» спорта, имевшая далеко идущие последствия в период после 1918 года.

Во-первых, в спортивные клубы, союзы и на спортивные трибуны повалили «толпы» вернувшихся с войны. Существовавшие до сих пор кумиры и соревнования утратили свой элитарный характер. Этот взрыв популярности затронул не только вышеназванные дисциплины, но и велогонки, плавание, греблю, бокс и в особенности стрельбу. Во-вторых, многие из тех, кто во время войны подвергся спортивной социализации, вместе с военной формой не избавились от усвоенного понимания спорта, как избавились от военной формы – процесс, обусловленный в проигравших странах еще и тем, что военные командные инстанции под впечатлением поражения и, как это было в Германии, революционных событий, старались при помощи соответствующих предложений успокоить и направить в нужные русла потоки демобилизованных.

Однако происшедшее в ходе войны смешение спортивных и солдатских добродетелей полностью преодолеть не удалось. На соревнованиях бросались в глаза небывалое до сих пор количество нарушений и грубость. А в общественном мнении спортивная конкуренция оставалась тем же, чем была на фронте, а именно «борьбой» (*Kampfband, Kampfband*)². Вместо «друга по спорту» (*Sportfreund*) теперь говорили «товарищ по спорту» (*Sportkamerad*). И для него не было производной женского рода, потому что тот, кто принимает на себя определенную таким образом роль атлета, волей неволей принимает также и «образ мужественности, который скоро начинает выражаться в одежде и облике, голосе и мимике, в характере и жестах», – так гласило адресованное женщинам – любительницам спорта предостережение бывшего фронтово-

² Kampf – борьба, Kampfband – арена борьбы, Kampfband – боевой союз. – *Прим. перев.*

го офицера Германа Вестерхауза, получившего после войны диплом учителя физкультуры и спорта. Неудивительно, что среди членов спортивных союзов в Германии в середине 20-х годов XX века женщины составляли менее 6 %, — даже меньше, чем в начале века.

Это «омужествление» стало одной из причин обособленного характера и невыразительности спортивной жизни в Веймарской республике. Другая причина заключалась в том, что общественная жизнь после проигранной войны выглядела совершенно иначе, чем во времена империи. Поблек не только гражданский английский образец (включая английский спортивный язык). Из-за исключения военного агрессора из процесса международного культурного обмена была утеряна и атмосфера международного общения, характерная для рубежа столетий. Кроме того, с падением монархии из общественной жизни исчезла и аристократия, задававшая прежде тон, благодаря постоянно окружавшему ее ореолу роскоши; а из-за разжигаемой с целью уменьшения репарационных платежей инфляции, продолжали обесцениваться уже и без того значительно сократившиеся после войны большие состояния. Вследствие этого, а также потому, что одновременно пострадала и главная целевая группы спортивной рекламы — состоятельное буржуазное среднее сословие, в качестве спонсоров вскоре стали выступать только местные пивоварни и производители лимонада, так что союзы и общества на глазах становились все более зависимыми от государственных дотаций. Часто это еще более обостряло проблемы финансирования, так как максима государства гласила: «спорт для всех», — а это требовало не только бережливости и готовности к перераспределению, но и морального осуждения стремления к личной выгоде. А весьма значительные доходы от вступительных взносов должны были доставаться не небольшой группе лиц, а общественности.

Следующие два мотива государственной политики в спорте указывали в том же направлении. Как только были возобновлены дипломатические отношения, лучшие спортсмены каждой дисциплины на спортивных мероприятиях за границей, и особенно на обещающих паблисити Олимпийских играх, должны были исполнять обязанности «дипломатов в спортивных костюмах», а «массовый спорт» должен был увеличивать «народную силу». В то время как либеральные и социалистические силы понимали под этим лозунгом «здоровье народа» и компенсацию падения рождаемости, политические правые делали ставку на парамилитаристские устремления, которые подспудно или открыто проявлялись в то время во многих спортивных объединениях. Поощрение этой тенденции позволило бы сохранить «оборонеспособность» и обойти «диктат» Версальского договора. На это надеялись и некоторые генералы, которые из-за предписанного государствами-победителями сокращения войск пропагандировали систему милиции.

На этом фоне спортивные деятели, политики и военные около 1920 г. развернули массивную кампанию в защиту совершенно не популярного до 1914 года принципа любительства. Главные качества спортсмена рубежа столетий, такие как динамика, нацеленность на успех, готовность рисковать и известная беспощадность к собственному телу признавались по-прежнему, но теперь им придавался характер политической необходимости. В отличие от своих предшественников, интересовавшихся в первую очередь презента-

цией своей «личности», атлеты послевоенного времени должны были служить обществам, будь то нация, союз или команда. Они должны были быть не знаменитостями или звездами, но самоотверженными, готовыми на жертвы «героями», какими якобы уже проявили себя спортсмены-участники войны.

В основе такой «вербовки» атлетов лежало характерным образом искаженное заимствование старой аристократической добродетели *беспристрастности*. Однако если в стране возникновения спорта эта добродетель считалась свидетельством индивидуального *спортивного мастерства*, то теперь в Германии (и в других странах Центральной Европы) на нее начались нападки. И если в Англии при отсутствии доказательств обратного предполагалось, что *профессионалы* в ситуации соревнования могут вести себя по спортивному, то в Германии эту способность полностью отрицали, аргументируя это тем, что профессиональные спортсмены, принимая во внимание последующее соревнование и ожидаемые от него доходы, не станут выкладываться полностью, и, таким образом, проявлять «геройство»; поэтому их следует рассматривать как неких циркачей или актеров. Слоган генерального секретаря Германского имперского комитета по физическим упражнениям DRA (Deutsche Reichsausschuss für Leibesübungen), Карла Дима гласил: «Там где кончается чистота понятия “любитель”, кончается и истинный спорт!» — представлял собой еще довольно сдержанную формулировку этой тенденции к разграничению. Некоторые ответственные функционеры даже дали увлечь себя призывам к «истреблению» и «искоренению зла». Уже во время экономического кризиса конца 1920 года, когда были урезаны общественные дотации для союзов, и спортивным деятелям необходимо было продемонстрировать политикам и военным свое достойное поведение, любительская кампания привела к исключению *профессионалов* из союзов по отдельным дисциплинам, а союзов профессионалов — из DRA.

Немецкая общественность следовала такой логике лишь условно. Разумеется, требуемое функционерами использование атлетов для «народного сообщества» с одной стороны, и для политических и мировоззренческих объединений (рабочее движение, церкви) — с другой, имело место. Однако нельзя было предвидеть, что возникшее благодаря спортивным успехам «коллективное упоение» (Герман Казак) в некоторых случаях преодолет и размоет границы этих сообществ. А различие между любителем и профессиональным спортсменом, героем и звездой для публики с самого начала являлось искусственным. Так, многие знаменитые «спортивные личности» 20-х годов XIX века (такие как теннисист Билл Тильден, «ледяной зайчик» Соня Хени и бегун мирового класса Пааво Нурми) причислялись не только к «чуждым сообществу» иностранцам, но и одновременно к чистым профессионалам или — это касалось немецкого конкурента Нурми Отто Пельтцера — к растущей группе псевдолюбителей, постоянно вступавших в конфликт со своим союзом.

Когда в середине 30-х годов конъюнктура снова поднялась, категории стали еще более расплывчатыми, потому что национал-социалисты, которые теперь вмешивались в дела «имперского спортивного руководства» продвинутых деятелей союзов, старались соответствовать вкусам публики и избегать скандалов. Это привело к тому, что любительские параграфы, причем не только касательно практики соревнований, в «третьем рейхе» попирались еще более бесце-

ремонно, чем раньше. Воскресные обращения и официальные высказывания часто уже не соответствовали «чистому учению», что подчеркивалось еще и тем, что авторитетные спортсмены, такие как велогонщик Густав Килиан, автогонщики Бернд Роземейер, Рудольф Караччиола, а также чемпион мира по боксу Макс Шмелинг удостоивались публичных похвал от национал-социалистических функционеров. Подвергалось нападкам даже политическое использование атлетов для национал-социалистического «народного сообщества». Популярные стилистические средства изобразительного искусства того времени, примат красоты, пристрастие к скульптурности и, прежде всего, новые усовершенствованные техники фотографии официального партийного фотографа Лени Рифеншталь (портреты, съемки крупным планом, диафрагмирование фона посредством съемки снизу на фоне бесконечного неба), по крайней мере зрительно, выделяли спортсменов из фашистского «орнамента массы» (Зигфрид Кракауэр). Натренированное тело атлета (и впервые еще и женщины-атлета!) стало, таким образом, эстетической категорией *sui generis*.

Если бы Вторая мировая война не положила внезапный конец этому развитию, доминантный образ спортсмена рано или поздно снова приобрел бы ориентацию на «сверхчеловека». В пользу этого говорит и развитие практически не пострадавших в войне США, где атлеты сохранили свой индивидуализм и после 1945 года (и где олимпийские фильмы Рифеншталь и сегодня характерным образом продолжают вызывать стойкое восхищение). Однако в Европе Вторая мировая война означала еще более глубокое вторжение в повседневную жизнь, чем Первая, и лишения послевоенного времени были еще больше. Идеал готового к достижениям, но скромного «героя», который одерживал победы ради чести своей команды и государства, в это время пережил не только свой ренессанс, но и впервые встретил безграничное одобрение.

Что касается молодой Федеративной Республики, то такое «позднее цветение» объясняется отчасти тем, что «спортивный герой» смог включиться в непрерывавшуюся до сих пор тенденцию просветления так называемой демократической и внешне политически благонадежной культуры 20-х годов XX века, в то время как «сверхчеловек» автоматически идентифицировался с фашизмом. То, что когда-то, на рубеже столетий, он первоначально являл собой идеал современности давно кануло в забвение. При этом после 1945 года и в Советском Союзе и его государствах-спутниках в Центральной Европе, включая конъюнктуру ГДР, и даже в самой Англии, где перед Второй мировой войной *джентльмен любитель* (*gentleman amateur*) еще был в большом почете, симпатии, согласно Н. Бакеру, столь решительно перешли к непритязательным атлетам «из народа», что органы надзора «английского спорта» впервые были вынуждены ослабить условия своих самых строгих в мире параграфов для любителей и разрешить возмещение потерь заработной платы в результате простоя. То, насколько прочно этот образ «спортивного героя» держался в Европе, проявилось потом в «дикие шестидесятые», когда он выступил против сексуализированной телесности поколения рок-н-ролла и критики студенческого движения, а также и новых левых в вопросе о принципе оплаты по труду «позднего капитализма». Только «солдафонский» компонент с течением времени был утерян, а количество женщин и девушек, охотно принимавших участие в соревнованиях, постоянно росло. В отношении команд-

ного духа, дисциплины и аскезы спортсменки, похоже, ни в чем не уступали своим коллегам-мужчинам, а пресса нередко именовала их «чудо-девушками» («Fräuleinwunder»).

Таким образом, чтобы объяснить устойчивость конъюнктуры «спортивного героя» недостаточно реконструировать меняющийся дух времени в соответствующем национальном контексте, гораздо более важно выявить те специфические условия его реального существования, которые были общими для всех «спортивных наций».

50–80-е годы XX века

В качестве важнейшего фактора в этой связи следует рассматривать консолидацию международного соревновательного движения. Хотя, как уже говорилось, спортивное общение вне Англии и так всегда было международным, даже глобальным делом, и чередование национализма и интернационализма при посредстве МОК и международных спортивных организаций функционировало уже до 1914 года. Тем не менее вскоре после того, как Германия и другие проигравшие в Первой мировой войне страны в конце 20-х годов XX века снова со всеми почестями были приняты в международное сообщество, последовал новый этап интернационализации. С одной стороны, пропагандистские интересы тоталитарных режимов Европы, Южной Америки и Азии вели к тому, что государства посылали на соревнование все больше атлетов. С другой — в мире заметно увеличилось число так называемых «спортивных наций». Если в Олимпийских играх в Стокгольме (1912) и Антверпене (1920) участвовало соответственно 28 и 29 наций, то в Берлине в 1936-м их было уже 49, а после Второй мировой войны, парализовавшей олимпийское движение, но не международные спортивные отношения, этот рост еще ускорился. Это происходило еще и потому, что перед лицом надвигающейся холодной войны победители с самого начала проявляли большую мягкость в обращении с проигравшими государствами, и, таким образом, не произошло сокращения количество участников, как это было после 1918 года. Кроме того, в 50–60-х годах, освободившиеся от колониального господства африканские государства искали признания мировой общественности, в 70-е за ними последовали азиатские «государства-тигры», а в 80-е Китай был признан новой спортивной мировой державой. Одновременно с этим множилось число международных *событий (events)*. Если до Второй мировой войны первенства мира и Европы — если они вообще проходили — проводились раз в четыре года между Олимпийскими играми, то уже с 70-х годов их стали проводить ежегодно (открытые чемпионаты и чемпионаты в закрытых помещениях, детские и юношеские игры). Соревнования между отдельными странами и праздники, посвященные вручению Гран-при привели к возникновению новых видов соперничества.

Воспроизведение этого процесса посредством отборочных соревнований в спортивном движении отдельных стран привело к тому, что популярность аскезы возросла не только среди мировых рекордсменов, но и среди честолюбивой молодежи этих стран:

Во-первых, выездов на соревнования стало намного больше, они стали более дорогими и требовали больше времени. По оценкам современников даже

сравнительно тяжелые на подъем немецкие легкоатлеты и футболисты уже начиная с 20-х годов до 80 дней в году проводили в поездках по спортивным делам — степень мобильности, которая в условиях недостаточной регламентации отпусков делала практически невозможным занятие гражданской профессией.

Еще больших затрат времени, а вместе с тем и энергии, требовали — *во-вторых*, тренировки, особенно в классических мужских дисциплинах. Если до 1900 года было много талантливых новичков, которые умели воспользоваться подходящей ситуацией, то начиная с 20-х годов за награду нужно было попотеть, и тот, кто хотел оставаться на международном уровне, должен был целенаправленно тренироваться. Немецкий мастер по бегу на средние дистанции и мировой рекордсмен д-р. Отто Пельтцер, школьный учитель, перешел для этого в 1925 году от трех к пяти тренировкам в неделю, а спортсмены высшего класса, которые готовились в тренировочных центрах немецкой или другой армии, тратили на них еще больше времени. За несколько десятилетий между Второй мировой войной и 1980 годом время, затрачиваемое на тренировки средним спортсменом-разрядником, по оценке Карла-Генриха Бете и Фридрихельма Нейдхардта, возросло еще примерно в четыре раза, так что в конце этого периода оно составляло около 20 часов в неделю. В плавании, согласно кельнской диссертации Ханса-Эберхарда Ульриха, уже в начале 70-х годов XX века спортсмен высшего международного класса посвящал спортивным занятиям от 34 до 42 часов в неделю.

В этом подсчете учтено также и время, затраченное на коммуникацию с тренерами, врачами, массажистами и психологами. Умение своими силами создать себе такое окружение из профессиональных помощников или — как было чаще всего — стать членом руководимых ими тренировочных центров было *третьим* требованием к атлетам после 1945 года. Развитие этого процесса началось в 30-е годы — в Германии с элитных подразделений СС и специальных спортивных компаний «Третьего Рейха», в Советском Союзе — с армейских и милицейских спортивных клубов, в США — с создания спортивных систем в вузах и колледжах. Однако под влиянием холодной войны темпы этого развития качественно ускорились. Во-первых, в силу того, что спорт стал расцениваться как арена символической демонстрации силы общественных систем, на западе и на востоке стали использовать секретные службы для выведывания тренировочных методов противников. Во-вторых, для мест проведения тренировок, строительства спортивных интернатов и сопутствующих научных исследований были предоставлены значительные частные и общественные финансовые средства.

В ФРГ этот этап развития ознаменовался основанием в 1967 году Германской спортивной помощи (Deutsche Sprothilfe) — организации для привлечения меценатов и распределения частных денежных потоков. Два года спустя, после провала олимпийской команды на играх в Мехико, возник Федеральный спортивный комитет (Bundesausschuss für Leistungssport) — полугосударственная координационная инстанция между спортивными обществами и отвечающим за спорт федеральным министерством внутренних дел, которое, кроме того, совместно с подчиненным ему Федеральным институтом спортивной науки (Bundesinstitut für Sportwissenschaft) включилось в научное исследование спор-

та. После того как в 1971 году бундесвер издал «Положение о поощрении лучших спортсменов» (Regelung zur Förderung von Spitzensportlern), в 1974 в кооперации с союзами и школами была создана объединившая в конечном счете 150 «опорных пунктов» система тренировочных центров; для ориентированного на практику обучения специалистов Немецкого института спорта в Кельне в 1977 году была построена тренерская академия. Официально эти «опорные пункты» понимались и понимаются (сегодня они называются «Олимпийские опорные пункты») как модель, противопоставленная системе детско-юношеских спортивных школ и элитным спортивным клубам ГДР, однако новые общественно-научные исследования показывают, что немецко-немецкие различия во многих деталях ограничивались (и ограничиваются) номенклатурой.

Перспектива: спортсмен в конце XX века

Развитие туризма, усложнение тренировок и увеличение их числа, а также научный подход — эти три элемента развития привели во всем мире не только к невиданному потоку рекордов и взрыву достижений, но и к невероятному росту числа атлетов. Заниматься «большим спортом» или «спортом высоких достижений», как это принято говорить в Германии со времен «Третьего Рейха» и 60-х годов XX века, стало с тех пор для поколений молодежи, подростков и детей обоих полов серьезным опытом социализации. В отношении западных индустриальных государств, хотя и с оговоркой, можно сказать, что так называемый массовый спорт вырос в еще более значительной степени, чем большой спорт. Так как впечатляющий спортивный бум последних десятилетий — в старых федеральных землях число членов спортивных союзов с 1970 по 1989 год возросло с 10,5 до 21 миллиона — коснулся прежде всего тех, кто в конечном итоге искал развлечения, общения и компенсации недостатка движения в повседневной жизни. Вместе с тем приток в большой спорт вот уже несколько лет сокращается, причем в таком масштабе, что некоторые руководители союзов уже говорят о «кризисе подрастающего поколения». Так, в Германии ни легкая атлетика и плавание, ни сравнительно гламурный теннисный спорт, к которому со времен успехов Бориса Беккера и Штеффи Граф в восьмидесятых публика проявила неожиданный интерес, не могут позволить себе пренебречь целевой рекламой в борьбе за ориентированное на соревновательность молодое поколение.

На фоне этого краткого изложения процесса развития такие рубежи роста можно объяснить тем, что и для «спортивных героев», очевидно, существуют границы допустимой нагрузки. Это заключение одновременно доказывает, что готовность к аскезе представляет собой не только свойство характера, но и предполагает наличие приемлемого соотношения затрат и пользы. Это соотношение с каждым новым десятилетием после 1945 становилось для отдельных спортсменов и спортсменок все более невыгодным. Не считая того, что не каждый отправится в «тотальное учреждение» спортивного центра, «жертвы» такого рода все меньше себя оправдывают, а затраты времени и энергии, которые еще 10 или 20 лет назад могли бы вывести в мировые рекордсмены, сегодня могут обеспечить лишь квалификацию для национального чемпионата. Кроме того, тренировки сегодня часто сопровождаются массивным прие-

мом анаболиков и других допинговых средств, которые, как известно, вредны для здоровья. Самостоятельное экспериментирование с собственным телом, характерное для атлетов рубежа веков, в этой области больше уже невозможно. Тот, кто недооценивает специальные знания профессиональных экспертов, ведет себя не только как дилетант, но и очень возможно как самоубийца.

Однако и будущее тех, кто в данных условиях не окончил свою карьеру инвалидом, представляется совсем не в розовом свете. Многие из них, смирившись из-за своей страсти к большому спорту со связанной с ним односторонностью повседневной жизни, попали в так называемую «биографическую ловушку» (Бетте / Шиманк). Личные контакты рекордсменов в значительной мере ограничиваются общением с соответствующими экспертами из их окружения, профессиональный успех которых определяется спортивным успехом их подопечных. Ограничено и собственно профессиональное развитие атлетов вне зависимости от того, рассматривают ли они свою спортивную карьеру как хобби или как основное занятие. Дело в том, что в безжалостной конкуренции спортсменов экстра-класса обычные виды страхования современного человека (такие как медицинское обеспечение, пенсия по инвалидности или по старости) или вовсе неизвестны или предоставлены личной инициативе, а принцип старшинства, смягчающий силу ударов законов рынка в «настоящей жизни», теряет силу. И это тем тяжелее, что «период полураспада» побед и рекордов постоянно сокращается, и на следующем соревновании на них буквально уже ничего нельзя будет купить. Поэтому даже самые успешные спортсмены заботятся о том, чтобы получить долгосрочные сертификаты (*Leistungszertifikate*) системы образования, и таким образом сохранить «нить, связывающую их с гражданским существованием» (Гунтер Гебауэр); так, количество школьников, студентов и учеников производственного обучения, пользующихся поддержкой Германской спортивной помощи, в середине 80-х годов XX века составляло около 60 %. Эта двойственность устремлений в условиях жесткой конкуренции в профессиональной жизни, рано или поздно приводит к отказу от спорта.

То, что подающие надежду таланты по этим причинам с самого начала не посвящают себя целиком большому спорту или преждевременно от него отказываются, в историческом плане, не ново; ведь так закончилось большинство спортивных карьер XX века. Новым, с исторической точки зрения, здесь является то, что современная спортивная система еще не может компенсировать такие решения. И не только из-за демографического кризиса («Pillenknick» — снижение рождаемости из-за противозачаточных таблеток) и не только из-за того, что исчерпываются «женские резервы», но также, и прежде всего, из-за того, что определенные некогда желанные сопутствующие участию в соревнованиях продукты (*By-products*) в последние годы потеряли свою привлекательность. Если верить большому количеству опубликованных начиная с 20-х годов XX века биографий спортсменов и автобиографий сюда относились в первую очередь путешествия за границу на океанских пароходах или самолетах, знакомства с видными политиками, бизнесменами и деятелями культуры, а также внимание со стороны средств информации. И даже если спортивная деятельность в целом не приводила к преодолению среды происхождения, атлеты тем не менее считали, что достаточно вознаграждены за «жертвы» и лишения и стоят выше себе подобных.

Определенная открытость миру и свобода в общении все еще являются чертами облика спортсменов и спортсменок. Однако самое позднее с середины 80-х годов XX века эта аура потеряла свой блеск. Первый фактор, повлиявший на это, — это всеобщий рост мобильности и частоты путешествий. Одновременно с падением железного занавеса, который обесценил привилегированный статус атлетов восточного блока как «выездных», на Западе началась эра дешевого туризма в дальние страны. С этих пор для любителей путешествий из преобладающих в спорте средних слоев больше не было необходимости стремиться к лаврам, чтобы посмотреть мир. С Neckermann или TUI путешествовать намного приятнее, тем более что спортивные поездки практически не давали возможности для осмотра достопримечательностей. К тому же *глобальным игрокам (global players)*, которые большую часть года «живут из чемодана», частые поездки стали уже в тягость.

Похожий эффект произвел в Европе запоздалый прорыв коммерческого телевидения, который также пришелся на середину 80-х годов. Если выступление по телевидению до сих пор достигало всей «спортивной нации», то сегодня атлеты при наличии выбора из двух дюжин каналов, могут добиться достаточного авторитета, только если несколько каналов и реклама будут проводить совместную кампанию. Кроме того, на рынке паблисити спортсмены вынуждены конкурировать с большим количеством других «предпринимателей собственного образа», причем спектр простирается от политиков, героев сериалов до тех персонажей, которых приглашают в качестве экспертов на ток-шоу. После успеха Стефании Клей среди выбранных рекламой в качестве своих идеалов (*testimonials*) спортсмены и спортсменки составляют лишь около 3%, явно страдая при этом от сопряженной с рекламными компаниями потери сферы личной жизни.

Для большинства атлетов процесс развития последних десятилетий не предоставил поэтому никаких новых шансов. В известном смысле они даже лишились некоторых возможностей. Несмотря на то, что некоторые спортивные союзы и МОК, пользуясь конкуренцией соревнующихся за право передачи частных каналов, оказались со своими предложениями в роли монополистов и впервые за более чем столетнюю историю располагают значительными денежными суммами, которые используют, хотя зачастую и неохотно, на то, чтобы обеспечить спортсменам участие в прибыльных шоу. Так как средства массовой информации интересуют главным образом особо телегеничные дисциплины, в первую очередь футбол, теннис и легкая атлетика, большинство других союзов и атлетов остаются зависимыми от общественных дотаций — которые отсылают их к новым обильным источникам якобы открывшимся в результате окончания холодной войны. Таким образом, обусловленный сломом государственных аппаратов финансовый кризис спорта в Восточном блоке находит свои параллели на Западе.

Изложенное в данной статье позволяет увидеть и другой негативный результат нового развития — разделение большого спорта и массового спорта. В отличие от Trimm-dich-Bewegung³ 70-х годов прошлого века, распростра-

³ Западногерманское движение, призывающее к занятиям оздоровительно-профилактической физкультурой на снарядах. — *Прим. перев.*

нявшегося преимущественно членами союзов, стимулируемая индустрией спортивных товаров и услуг новая волна фитнеса опирается в первую очередь на отдельных индивидуумов. Тот, кто хочет оздоровить свое тело, одиноко бежит трусцой по своим дорожкам или — это относится главным образом к традиционно плохо представленным в союзах женщинам — отправляется в коммерческие гимнастические студии с их анонимными социальными отношениями. Сюда можно отнести еще и то, что спектр видов спорта за последние десятилетия расширился на более чем 240 (!) дисциплин, как это отмечают Клаус Хейнеманн и Манфред Шуберт в своем исследовании на материале Гамбурга. Большая часть модных неформальных видов спорта для удовольствия и приключений, начиная с гонок на ВМХ-велосипедах и заканчивая freeclimbing⁴, в отделениях спортивных союзов, с их ориентацией на классические дисциплины, вообще не предлагается, и, наоборот, промоутеры новых дисциплин с самого начала избегают всякого контакта с традиционным спортом.

Для социальной фигуры спортсмена эти центробежные тенденции имеют большие последствия в том смысле, что таким образом осложняется прежний «трансфер образа» от большого к массовому или оздоровительному спорту. Это выражается не только в том, что многие спортсмены-любители из-за падения престижа «героя спорта» уже давно эмансипировались от его примера, но и в том, что массовый спорт благодаря стимулам, которые он получает из сферы моды и здоровья, индустрии туризма и развлечений, со своей стороны становится своего рода примером для элиты большого спорта. Это подтверждают и календари, в которых лучшие пловчихи позируют в купальниках как фотомодели, и телевизионные передачи с соревнований по легкой атлетике, в которых финалисты пытаются посредством экстравагантных причесок, золотых цепочек на шее и стильных солнечных очков представить себя законодателями моды. Определяющие будни этого спортсмена добродетели: аскезы и «готовность к пожертвованию», напротив, остаются под спудом.

Поэтому в конце XX века атлеты снова приближаются к типу интересующегося в первую очередь собой и презентацией своей «личности», и ориентированного одновременно на результат и на потребление успешного человека рубежа столетий, который с Первой мировой войной на десятилетия покинул арену. Однако такое возобновление традиции для них небезопасно. Потому что уважением публики по-прежнему пользуется «герой спорта» межвоенного и послевоенного времени, которого она, похоже, ценит больше, чем современного победителя, в котором можно распознать лишь отражение собственного гедонизма. Возьмем пример Бетте / Шиманка. Так же как в зоопарке, где преимущественно представлены животные, которые редко или вовсе не встречаются на воле, спортивная публика хочет увидеть прежних героев — наслаждение, которое ей услужливо предоставляют средства массовой информации и реклама: специальные спортивные каналы на телевидении снова и снова прокручивают «легендарные» боксерские поединки, теннисные матчи и автогонки, а на празднике открытия Олимпийских игр в Атланте 1996-го маршируют гиганты 50–70-х годов от Мухаммеда Али до Эмиля Зотопека. Правда, такие мероприятия отрывают «героев» прошлого от контекста

⁴ Свободное восхождение. — *Прим. перев.*

их исторической эпохи и жизненного окружения и, в известной мере, нейтрализуют. Но в борьбе за внимание публики это тем не менее является преимуществом: они ведь так подходят для разного рода проекций.

Атлеты современности получают при этом пищу для серьезного размышления: в то время как молодежь должна рассчитывать на долговременное понижение кривой достижений, для идолов прошлого действует правило: чем старше они становятся, тем лучше они были. Это также является сегодня причиной непопулярности спортивной карьеры среди молодежи. В конце XX века с его богатой переменами историей атлеты успешно эмансипировались от службы интересам политики, нации и идеологии; однако от духа этого столетия до сих пор не смогли освободиться даже те из них, кто является «личностью».

Перевод с немецкого Людмилы Кортуновой

- Bale, John; Maguire, Joseph (Hg.). *The Global Sports Arena. Athletic Talent Migration in an Interdependent World*. London, 1994.
- Bakker, F. C. u. a. *Sportpsychologie. Grundlagen und Anwendungen*. Bern, 1992.
- Bette, Karl Heinrich; Schimak Uwe. *Doping im Hochleistungssport*. Frankfurt a. M., 1995.
- Brailsford, Dennis. *British Sport. A Social History*. Cambridge, 1992.
- Deitrich, Knut u. a. *Kommerzielle Sportanbieter. Eine empirische Studie zu Nachfrage. Angebot und Beschäftigungschancen im privaten Sportmarkt*. Schorndorf, 1990.
- Eisenberg, Christine (Hg.). *Fußball, soccer, calcio. Ein englischer Sport auf seinem Weg um die Welt*. München 1997.
- Eisenberg, Christine (Hg.). *Gesellschaftsgeschichte des Sports. Die Dynamik eines englisch-deutschen Kulturtransfers (1800–1939)*. Paderborn, 1998.
- Cuttman, Allen. *The Olympics. A History of the Modern Games*. Urbana/III. 1992.
- Cuttman, Allen. *Games and Empires. Modern Sport and Cultural Imperialism*. New York, 1994.
- Hargreaves, Jennifer. *Sporting Females. Critical issues in the history and sociology of women's sports*. London, 1994.
- Hartmann, Grit (Hg.). *Goldkinder. Die DDR o, Spiegel ihres Spitzensports*. Leipzig, 1997.
- Heinermann, Klaus; Schubert, Manfred. *Der Sportverein. Ergebnisse einer repräsentativen Untersuchung*. Schorndorf, 1994.
- Hobermann, John. *Sterbliche Maschinen. Doping und die Unmenschlichkeit des Hochleistungssports*. Aachen, 1994.
- Kasack, Hermann. Sport als Lebensgefühl // Die Weltbühne Jg. 24, Nr. 41. 9.10.1928, S.557–558.
- Quell, Michael. *Das Bild vom Sport. Sportkonzepte von Weimar bis heute*. Münster, 1989.
- Rowe, David. *Popular Cultures. Rock Music, Sport and the Politics of Pleasure*. London, 1995.
- Veblen, Thorstein. *Theorie der feinen Leute. Eine ökonomische Untersuchung der Institution*. Frankfurt a. M., 1986.
- Wopp, Christian. *Entwicklungen und Perspektiven des Freizeitsports*. Aachen, 1995.